

Искра

Николай Болатаев

Николай Болатаев

Искра

«Автор»

2026

Болатаяев Н.

Искра / Н. Болатаяев — «Автор», 2026

Городок Серый Дол медленно теряет краски — не за один день, а так незаметно, что взрослые уже перестали это замечать. Двенадцатилетний Тима один из немногих, кто видит: цвет исчезает, потому что люди разучились быть добрыми друг к другу. Однажды у старого колодца он делится последним бутербродом с бездомной собакой — и видит крошечную золотую искру там, где всё давно стало серым. С этого момента начинается его путь: он узнаёт о Сердце Мира, что гаснет под старым маяком, о хранителе-старике, который ждал героя полвека, и о том, что спасти целый мир иногда можно только ценой самого дорогого, что у тебя есть. Тиме предстоит столкнуться с болезнью бабушки, школьной травлей, нищетой и собственным отчаянием — и понять, что доброта не делает мир справедливым. Она делает так, что ты остаёшься собой, даже когда мир несправедлив. Тёплая, но не слащавая повесть о взрослении, дружбе и надежде — для читателей 11–16 лет и всех, кто верит, что маленькие поступки способны изменить всё.

© Болатаяев Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	6
Глава 1. Город без цвета	7
Глава 2. Мальчик, который не давал сдачи	8
Глава 3. Хранитель маяка	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Николай Болатаев

Искра

ИСКРА

История о мальчике, который нёс в сердце надежду

Повесть

Оглавление

- Глава 1. Город без цвета
- Глава 2. Мальчик, который не давал сдачи
- Глава 3. Хранитель маяка
- Глава 4. Первая настоящая беда
- Глава 5. Цена памяти
- Глава 6. Сгущающийся Морок
- Глава 7. Друзья находятся
- Глава 8. Ночь отчаяния
- Глава 9. Голос из письма
- Глава 10. Спуск во тьму
- Глава 11. Сердце Мира
- Глава 12. Пламя
- Глава 13. Рассвет
- Глава 14. Эпилог. Свет, который остаётся

Глава 1. Город без цвета

Городок Серый Дол получил своё имя задолго до того, как в нём поселился Морок, но теперь имя это оказалось пророческим. Дома здесь были цвета золы, небо — цвета старой простыни, а река за околицей текла медленно и лениво, будто ей самой было всё равно, куда течь.

Тимофей — все звали его просто Тима — жил на улице Короткой, в доме номер семь, вместе с бабушкой Ниной Петровной. Ему было двенадцать лет, и он давно заметил то, чего не замечали взрослые: краски в Сером Доле выцветали. Не сразу, не за один день — а так медленно, что человек, который смотрел на мир каждый день, попросту не видел разницы. Но Тима помнил, каким ярко-рыжим был забор дяди Паши три года назад. Теперь забор был просто серым.

— Бабуль, а куда девается цвет? — спросил он как-то утром, разглядывая свою некогда синюю куртку, которая теперь была цвета дождевой лужи.

Нина Петровна помешивала кашу и не сразу ответила.

— Цвет никуда не девается, Тимоша. Он прячется. Ждёт, когда его позовут обратно.

— А кто должен позвать?

— Тот, у кого хватит на это духу, — сказала бабушка и улыбнулась одними глазами, потому что вслух улыбаться в Сером Доле давно разучились.

Тима не совсем понял, но запомнил эти слова так, как запоминают вещи, которые пригодятся позже, — не умом, а каким-то другим, более глубоким местом внутри.

По дороге в школу он, как обычно, прошёл мимо старого колодца на площади. Когда-то, говорят, вода в нём была такой чистой, что в ней можно было увидеть не только своё отражение, но и своё будущее. Теперь колодец был закрыт трухлявой крышкой, и никто уже не помнил, зачем он вообще был нужен.

Возле колодца, свернувшись в клубок, лежала собака — тощая, с рёбрами, проступавшими сквозь свалявшуюся шерсть. Люди проходили мимо, кто отворачиваясь, кто просто не замечая, будто собака была частью серого асфальта.

Тима остановился.

Он не был богат — в кармане куртки лежал один-единственный бутерброд с сыром, который бабушка собрала ему в школу, потому что больше в доме есть было нечего до пятницы. Он посмотрел на бутерброд. Посмотрел на собаку.

— Ну, — сказал он вслух, ни к кому особо не обращаясь, — один раз можно и потерпеть.

Он разломил бутерброд пополам и положил один кусок перед собакой. Та подняла голову, посмотрела на него недоверчиво, будто не понимая, в чём подвох, а потом осторожно, будто боясь, что еда исчезнет, взяла кусок и съела.

И в этот момент — так быстро, что Тима подумал, будто ему показалось, — на ошейнике собаки, потемневшем от грязи, на долю секунды блеснула искра. Крошечная, размером с божью коровку, но настоящая — золотистая, тёплая, живая среди всей этой серости.

Тима моргнул. Искра исчезла.

«Показалось», — подумал он и пошёл в школу, унося с собой лёгкое, необъяснимое тепло где-то под рёбрами — там, где, наверное, и живёт то, что взрослые называют совестью, а дети — просто хорошим настроением без причины.

Он не знал ещё, что причина у этого тепла была. И что оно свяжет его с судьбой всего мира крепче, чем он мог себе представить.

Глава 2. Мальчик, который не давал сдачи

В школе Серого Дола преподавали чтение, письмо и арифметику, но никто никогда не преподавал доброту — считалось, что этому нельзя научить, как нельзя научить дождь идти вверх. И, может быть, поэтому школьный двор был местом, где серости было ещё больше, чем на улицах.

Верховодил там Гришка Рябов — второгодник с кулаками, как у взрослого мужика, и голосом, привыкшим командовать. Гришка не любил Тиму давно, с тех самых пор как тот в третьем классе отказался врать учительнице, прикрывая его прогул.

— Эй, Нищий! — крикнул Гришка через двор, и все, кто был рядом, послушно засмеялись, потому что смеяться над тем, над кем смеётся Гришка, было безопаснее, чем не смеяться. — Опять в обносках бабкиных пришёл?

Тима мог бы сказать что-то в ответ — он умел, слова у него всегда находились быстро. Но он посмотрел на куртку, доставшуюся ему от соседского Серёжи, вздохнул и просто пошёл дальше, к качелям, где обычно сидел один.

Гришка догнал его и толкнул в плечо — не сильно, скорее для проверки.

— Ты чего, глухой? Я с тобой разговариваю.

Тима остановился. Внутри у него — там же, где вчера появилось тепло от бутерброда — сейчас закипало что-то другое, горячее и обидное. Ему хотелось толкнуть в ответ, хотелось сказать что-то такое же злое. Кулаки сами сжались.

Но тут он увидел за спиной Гришки маленькую девочку лет семи, которая жалась к забору, обхватив себя руками. Он узнал её — Катя, младшая сестра Гришки. Она смотрела на брата так, как смотрят на грозу — со страхом, но и с ожиданием, что после грозы будет солнце.

Тима разжал кулаки.

— Не буду драться, — сказал он тихо. — Мне не жалко тебе проиграть в этом споре, Гришка. Только вот в чём беда — ты уже победил ещё до того, как начал. Такие, как ты, всегда выигрывают у таких, как я, если мерить силой. Только я не хочу играть в эту игру.

Гришка растерялся — не этого он ждал. Толпа вокруг притихла.

— Трус, — буркнул Гришка, но как-то без огня.

— Может быть, — согласился Тима. — А может, просто устал делать вид, что злость — это сила.

Он развернулся и пошёл к качелям. По дороге он остановился рядом с Катей.

— Твой брат орёт много, но, по-моему, ему просто скучно, — тихо сказал он ей. — Хочешь, покажу, как из фантика от конфеты сделать журавлика? У меня как раз завалился один.

Катя удивлённо кивнула. И пока Тима складывал бумажного журавлика неловкими, замёрзшими на ветру пальцами, а Катя следила за каждым движением, приоткрыв рот, — никто из них не заметил, что на заборе рядом с ними, там, где искра однажды уже спрятала краску, вдруг проступило едва заметное пятнышко зелёного цвета. Размером с ладонь. Как будто кто-то один раз мазнул кистью — и тут же убрал руку, не веря, что получилось.

Гришка это пятнышко всё-таки заметил. Он долго стоял и смотрел на него, а после — ничего никому не сказав — ушёл со двора необычно тихим.

Глава 3. Хранитель маяка

За городом, там, где река Серого Дола впадала в озеро, стоял старый маяк. Много лет он не светил — говорили, что свет ему больше не нужен, потому что корабли давно перестали сюда заходить, а озеро всё равно затянуло туманом настолько плотным, что маяк был виден, только если стоять у самого его основания.

Тима любил туда ходить. Не потому, что там было интересно — там, если честно, не происходило ничего. А потому, что там жил дед Кузьма, единственный человек в Сером Доле, который до сих пор улыбался вслух.

— О, явился, — сказал дед Кузьма, когда Тима толкнул скрипучую дверь маяка тем же вечером. Старик сидел у окошка и чинил рыбацкую сеть — хотя рыбы в озере давно уже почти не было. — Садись, у меня чай как раз поспел.

Чай у деда Кузьмы был странный — травяной, горьковатый, но после него на языке долго оставался вкус чего-то летнего, будто в чашку положили немного солнца.

— Дед Кузьма, а вы верите, что цвета можно вернуть? — спросил Тима, грея руки о кружку.

Старик отложил сеть.

— Я не просто верю, малец. Я знаю. Потому что я видел, как этот город выглядел до Морока. — Он посмотрел в окно, туда, где туман скрывал озеро. — Пятьдесят лет назад здесь были самые яркие закаты во всей округе. Красный, оранжевый, лиловый — как будто небо каждый вечер устраивало праздник. И знаешь, что случилось?

Тима покачал головой.

— Люди устали. Устали помогать друг другу, устали замечать чужую беду, устали радоваться чужой радости. Усталость эта тихая, она подкрадывается не сразу — сперва человек просто проходит мимо чужого горя, потом мимо своего собственного счастья, а потом однажды утром просыпается и не помнит, зачем вообще вставать. Вот эта-то усталость и есть Морок. Он не приходит извне, Тима. Он рождается внутри — из каждого равнодушного взгляда, из каждого «это не моё дело».

— А искры? — спросил Тима осторожно. — Я вчера видел искру. На собачьем ошейнике. И сегодня — пятнышко зелёного цвета на заборе.

Дед Кузьма посмотрел на него внимательно, будто увидел что-то, чего не видел раньше.

— Значит, это правда ты, — сказал он тихо.

— Что — я?

— В этом городе есть Сердце, Тима. Не в груди человека — настоящее Сердце Мира, живое, спрятанное глубоко под этим самым маяком, в пещере, куда давно никто не спускался. Оно бьётся светом. Точнее — билось. Каждый акт доброты, каждый поступок, в котором человек забывал о себе ради другого, питал это Сердце и через него — весь мир, все краски, всё тепло, что в нём есть. Но люди устали быть добрыми. И Сердце стало затихать. Год за годом. Так появился Морок — серая пустота, наступающая туда, где раньше была жизнь.

— И оно сейчас совсем гаснет?

Дед Кузьма кивнул, и впервые за весь разговор его лицо стало по-настоящему старым и усталым.

— Осталось немного, мальчик мой. Может, месяц, может — меньше. Когда оно погаснет совсем, серым станет не только Дол. Серым станет всё — весь мир, каждый его уголок, всякая живая душа. Люди перестанут не только видеть цвета. Они перестанут чувствовать хоть что-то — ни горе, ни радость, ни любовь. Просто будут ходить, есть, спать — и всё.

Тима вдруг почувствовал, как холод пробежал по спине.

— Но искры... они же появляются, когда кто-то делает что-то доброе. Значит, Сердце ещё можно спасти?

— Можно, — согласился старик. — Но по капле света Сердце не разгорится обратно так, как погасло — по капле равнодушия. Нужен один поступок. Настоящий. Такой, где человек отдаёт не крошку, а всё, что у него есть, — и не для того, чтобы спасти мир, а просто потому, что иначе поступить не может.

Он посмотрел на Тиму долгим взглядом.

— И почему-то мне кажется, что этот поступок предстоит совершить именно тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.